

# ЛИТЕРАТУРА

**Всероссийская  
олимпиада школьников**

**11 класс**

**II (муниципальный) этап  
2019**

\*\*\*\*\*

**ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое).** *Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста (1.1 или 1.2 – на выбор).* (Предложенные установочные вопросы и направления анализа имеют рекомендательный характер и не подлежат обязательному исполнению. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

**ЗАДАНИЕ 1.1. Установочные вопросы к поэме «Соловиный сад»** 1) Есть ли в поэме А. Блока черты, сближающие ее с символизмом? 2) В чем заключается основной конфликт произведения? 3) Как развитие этого конфликта определяет построение сюжета? 4) Какие образы, помимо Соловиного сада, являются наиболее значимыми в поэме? 5) Как выражается авторская позиция в произведении? 6) Какие слова из текста поэмы могли бы стать эпиграфом к ней? 7) Имеет ли значение то, что произведение написано стихами, а не прозой?

**ЗАДАНИЕ 1.2. Установочные вопросы к рассказу «Как лечили богиню».** 1) Какой поворот теме войны придан в этом произведении В. Астафьевым. 2) Можно ли считать, что это произведение – О ВОЙНЕ? 3) Какое начало в нем доминирует: эпическое, лирическое или драматическое? 4) Как в рассказе представлена тема искусства? 5) Какое значение имеет то, что повествование ведется от первого лица? 6) Какова смысловая роль каждого из персонажей? 7) Какие художественные средства используются автором? 8) Рассказ написан около 50 лет назад. Имеет ли он современное звучание?

**Александр Александрович  
БЛОК**

## СОЛОВИНЫЙ САД

### 1.

Я ломаю слоистые скалы  
В час отлива на илистом дне,  
И таскает осел мой усталый  
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,  
Сложим в кучу, – и к морю опять  
Нас ведут волосатые ноги,  
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, – отрадно,  
Что идет налегке хоть назад.  
А у самой дороги – прохладный  
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной  
Лишних роз к нам свисают цветы.  
Не смолкает напев соловьиный,  
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздастся  
Каждый раз у садовых ворот,  
А в саду кто-то тихо смеется,  
И потом – отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,  
Я гляжу, понукая осла,  
Как на берег скалистый и знойный  
Опускается синяя мгла.

### 2.

Знойный день догорает бесследно,  
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;  
И осел удивляется, бедный:  
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,  
Замечтался ли в сумраке я?  
Только всё неотступнее снится  
Жизнь другая – моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной  
Я, бедняк обездоленный, жду,  
Повторяя напев неизвестный,  
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья  
В этот сад, обнесенный стеной,  
В синем сумраке белое платье  
За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане  
Прохожу мимо этих ворот,  
И она меня, легкая, манит  
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи  
Я забытое что-то ловлю,  
И любить начинаю томленье,  
Недоступность ограды люблю.

### 3.

Отдыхает осел утомленный,  
Брошен лом на песке под скалой,  
А хозяин блуждает влюбленный  
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,  
Но сегодня – таинственный путь  
Вновь приводит к ограде тенистой,  
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,  
И идут за часами часы,  
И колючие розы сегодня  
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет иль награда,  
Если я уклонюсь от пути?  
Как бы в дверь соловьиного сада  
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,  
И руке не вернуться к труду:  
Сердце знает, что гостем желанным  
Буду я в соловьином саду...

### 4.

Правду сердце мое говорило,  
И ограда была не страшна,  
Не стучал я – сама отворила  
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,  
Однозвучно запели ручьи,  
Сладкой песнью меня оглушили,  
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомое счастья  
Мне открыли объятия те,  
И звенели, спадая, запястья  
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,  
Золотым опаленный огнем,  
Я забыл о пути каменистом,  
О товарище бедном своем.

### 5.

Пусть укрыла от дольного горя  
Утонувшая в розах стена, –

Заглушить рокотание моря  
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога  
Рокот волн до меня донесла...  
Вдруг – виденье: большая дорога  
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной  
Обвиваясь горячей рукой,  
Повторяет она беспокойно:  
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,  
Надышаться блаженством спеша,  
Отдаленного шума прилива  
Уж не может не слышать душа.

### 6.

Я проснулся на мгlistом рассвете  
Неизвестно которого дня.  
Спит она, улыбаясь, как дети, –  
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым  
Лик, прозрачный от страсти, красив!..  
По далеким и мерным ударам  
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,  
И почудилось, будто возник  
За далеким рычаньем прибоя  
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог.  
Проникал в мою душу, как стон,  
И тихонько задернул я полог,  
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,  
Я нарушил цветов забытье.  
Их шипы, точно руки из сада,  
Уцепились за платье мое.

### 7.

Путь знакомый и прежде недлинный  
В это утро кремнист и тяжел.  
Я вступаю на берег пустынный,  
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?  
Или кто-нибудь шутит со мной?  
Нет, я помню камней очертанье,  
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? – И скользкой ногою  
Спотыкаюсь о брошенный лом,  
Тяжкий, ржавый, под черной скалою  
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым  
(Или всё еще это во сне?),

Я ударил заржавленным ломом  
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты  
Покачнулись в лазурной щели,  
Закарабкался краб всполохнутый  
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,  
Широко разевая клешни,

Но сейчас же с другим повстречался,  
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,  
Там, где хижина прежде была,  
Стал спускаться рабочий с киркою,  
Погоняя чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

**Виктор Петрович  
АСТАФЬЕВ**

## КАК ЛЕЧИЛИ БОГИНЮ

Наш взвод форсировал по мелководью речку Вислоку, выбил из старинной панской усадьбы фашистов и закрепился на задах ее, за старым запущенным парком.

Здесь, как водится, мы сначала выкопали щели, ячейки для пулеметов, затем соединили их вместе — и получилась траншея.

Немцам подкинули подкрепления, и они не давали развивать наступление на этом участке, густо палили из пулеметов, минометов, а после и пушками долбить по парку начали.

Парк этот хорошо укрывал нашу кухню, бочку для прожарки, тут же быстренько установленную, и кущи его, шумя под ветром ночами, напоминали нам о родном российском лесе.

По ту и по другую сторону головной аллеи парка, обсаженной серебристыми тополями вперемежку с ясенями и ореховыми деревьями, стояли всевозможные боги и богини из белого гипса и мрамора, и когда мы трясли ореховые деревья или колотили прикладами по стволам — орехи ударялись о каменные головы, обнаженные плечи, и спелые, со слабой скорлупой плоды раскалывались...

Нам было хорошо в этом парке, нам тут нравилось.

Мы шарили по усадьбе, ее пристройкам, объедались грушами и сливами, стреляли из автоматов кролей, загоняя их под старый амбар, и кухню совсем перестали посещать. Повар сначала сердился, а потом прилачился распределять наш паек панской дворне, которую хозяин покинул на произвол судьбы, убежав с немцами. Одной востроглазой паненке, молодой, но уже пузатенькой, ротный повар валил каши без всякой меры, и мы смекнули, что тут к чему. «О-о, пан повар!» — восхищалась паненка, принимая котелок, стреляла в кашевара глазами, беспричинно улыбалась и уходила, этак замысловато покачивая бедрами и как-то по-особенному семеня ножками. Может, нам это лишь казалось, не знаю.

В усадьбе мы быстро отъелись, выпарили вшей, постирали штаны, гимнастерки, одним словом, обжились, как дома, и начали искать за-

нятия. И нашли их. Пожилой связист, мой напарник, чинил в конюшне хомуты и сбрую. Броневойщик стеклил окна в пристройке, где обитала дворня. Командир отделения ефрейтор Васюков прилачился в подвале гнать самогонку из фруктовой падалицы, ходил навеселе. А младший лейтенант, наш взводный, вечерами играл на рояле в панском доме непонятную музыку.

На самом верху была комната с розовато-серебристыми обоями, и в ней стоял рояль орехового цвета. Большое зеркало там было с деревянными ангелочками на раме и сооружение, напоминающее и кровать, и скамейку, и диван одновременно. Нам пояснили — канапе! Один солдат с придыхом вымолвил, услышав это слово: «Во, падлы, буржуи, живут, а!»

«В комнате этой, — пояснила востроглазая паненка, окончательно закружившая голову ротному кашевару, — проживала сама пани Мария — дочь пана, — дама одинокая и „бардзо пеньк-на и повижна“».

Портрет ее, большой, писанный маслом, висел здесь же, на стене.

«Баба и баба!» — решили знатоки и глядеть на нее перестали. Оно, может, так и было, баба и баба. И все же в худенькой женщине с распущенными по плечам белокурыми волосами, в тонкой и белой шее, в разрезе удлинённых или надменно прищуренных глаз и особенно во лбу, большом и умном, было что-то такое, отчего мы смолкали в этой комнате, ничего тут не трогали, а младший лейтенант все играл и играл на рояле. «Рахманинова играл», — сказал нам один узбек из пополнения.

Пополнение это, разное по годам и боевым качествам, прибыло спустя неделю после нашего блаженного житья в панской усадьбе, и мы поняли: райские эти кущи скоро придется покидать, наступать надо будет.

Между тем немец тоже не дремал и подтягивал резервы, потому что обстрел переднего края все усиливался, и многие деревья, да и панский дом были уже повреждены снарядами и минами. Дворня перешла жить в подвалы, и днем ей шлаться по усадьбе запретили.

При обстреле усадьбы пострадали не только дом и деревья, но и боги с богинями. Особенно досталось одной богине. Она стояла в углублении парка, над каменной беседкой, увитой плющом. Посреди беседки был фонтанчик, и в нем росли лилии, плавали пестрые рыбки. Но что-то повредилось в фонтанчике, вода перестала течь, лилии сжались, листья завяли, и рыбки умерли без воды, стали гнить и пахнуть.

Беззачинными глазами глядела белая богиня на ржавеющий фонтанчик, стыдливо прикрывая грех тонкопалою рукою. Она уже вся была издолблена осколками, а грудь одну у нее отшибло. Под грудью обнажились серое пятно и проволока, которая от сырости начала ржаветь. Богиня казалась раненной в живое тело, и ровно бы сочилась из нее кровь.

Узбек, прибывший с пополнением, был лишь наполовину узбеком. Он хорошо говорил по-русски, потому что мать у него была русская, а отец узбек. Узбек этот по фамилии Абдрашитов в свободное от дежурства время все ходил по аллеям, все смотрел на побитых богов и богинь. Глаза его, и без того задумчивые, покрывались мглистою тоской.

Особенно подолгу тосковал он у той богини, что склонилась над фонтанчиком, и глядел, глядел на нее, Венерой называл, женщиной любви и радости именовал и читал стихи какие-то на русском и азиатском языках.

Словом, чокнутый какой-то узбек в пехоту зашел, мы смеялись над ним, подтрунивали по-солдатски солоно, а то и грязно. Абдрашитов спокойно и скорбно относился к нашим словам, лишь покачивал головой, не то осуждая нас, не то нам сочувствуя.

По окопам прошел слух, будто Абдрашитов принялся ремонтировать скульптуру над фонтаном. Ходили удостовериться — правда, ползает на карачках Абдрашитов, собирает гипсовые осколки, очищает их от грязи носовым платком и на столике в беседке подбирает один к одному.

Удивились солдаты и примолкли. Лишь ефрейтор Васюков ругался: «С такими фокусниками навоюешь!..»

Младший лейтенант отозвал Васюкова в сторону, что-то сказал ему, бодая взглядом, и тот махнул рукой и подался из парка в подвал, где прела у него закваска для самогонки.

Три дня мы не видели Абдрашитова. Стреляли в эти дни фашисты много, тревожно было на передовой — ждали контратаки немцев, готовившихся прогнать нас обратно за речку Вислоку и очистить плацдарм.

Часто рвалась связь, и работы у нас было невпроворот. Телефонная линия была протянута по парку и уходила в подвал панского дома, куда прибыл, обосновался командир роты со своей челядью. По заведенному не нами, очень ловкому порядку, если связь рвалась, мы, и без того затурканные и задерганные связисты с передовой, должны были исправлять ее под огнем, а ротные связисты — нас ругать, коль мы не шиб-

ко проворно это делали. В свою очередь, ротные связисты бежали по связи в батальон; батальонные — в полк, а дальше уж я не знаю, что и как делалось, дальше и связь-то повреждалась редко, и связисты именovali себя уже телефонистами, они были сыты, вымыты и на нас, окопных землероек, смотрели с барственной надменностью.

Бегая по нитке связи, я не раз замечал копающегося в парке Абдрашитова. Маленький, с неумело обернутыми обмотками, он весь уж был в глине и гипсе, исхудал и почернел совсем и на мое бойкое «салам алейкум!», тихо и виновато улыбаясь, отвечал: «Здравствуйте!» Я спрашивал его, ел ли он. Абдрашитов тарачил черные отсутствующие глазки: «Что вы сказали?» Я говорил, чтобы он хоть прятался при обстреле — убьют ведь, а он отрешенно, с плохо скрытой досадой ронял: «Какое это имеет значение!»

Потом к Абдрашитову присоединился хромой поляк в мятой шляпе, из-под которой выбивались седые волосы. Он был с серыми запавшими щеками и тоже с высоко закрученными обмотками. Ходил поляк, опираясь на суковатую ореховую палку, и что-то громко и сердито говорил Абдрашитову, тыкая этой палкой в нагих побитых богинь.

Ефрейтор Васюков, свалившись вечером в окоп, таинственно сообщал нам:

— Шпиёны! И узбек шпиён, и поляк. Сговор у них. Я подслушал в кустах. Роден, говорят, Ерза, Сузан и еще кто-то, Ван Кох или Ван Грог — хрен его знает. — Понизив голос, Васюков добавил: — Немца одного поминали... Гадом мне быть, вот только я хвамилию не запомнил... По коду своему говорят, подлюги!

— Сам-то ты шпион! — рассмеялся младший лейтенант. — Оставь ты их в покое. Они о великих творцах-художниках говорят. Пусть говорят. Скоро наступление.

— Творцы! — проворчал Васюков. — Знаю я этих творцов... В тридцать седьмом годе такие творцы чуть было мост в нашем селе не взорвали...

Богиню над фонтаном Абдрашитов и поляк починили. Замазали раны на ней нечистым гипсом, собрали грудь, но без сосца собрали. Богиня сделалась уродлива, и ровно бы бескровные жилы на ней выступили, она нисколько не повеселела. Все так же скорбно склонялась богиня в заплатах над замолкшим фонтаном, в котором догнали рыбки и чернели осклизлые лилии.

Немцы что-то пронюхали насчет нашего наступления и поливали передовую изо всего, что у них было в распоряжении.

С напарником рыскали мы по парку, чинили связь и ругали на чем свет стоит всех, кто на ум приходил.

В дождливое, морочное утро ударили наши орудия — началась артподготовка, закачалась земля под ногами, посыпались последние плоды с деревьев в парке, и лист закружило вверху.

Командир взвода приказал мне сматывать связь и с катушкой да телефонным аппаратом

следовать за ними в атаку. Я весело помчался по линии сматывать провода: хоть и уютно в панской избе и усадьбе, а все же надоело — пора и честь знать, пора и вперед идти, шуровать немца до Берлина еще далеко.

Неслись снаряды надо мною с разноголосыми воплями, курлыканием и свистом. Немцы отвечали реденько и куда попало — я был опытный уже солдат и знал: лежала сейчас немецкая пехота, уткнувшись носом в землю, и молила Бога о том, чтобы у русских запас снарядов скорее кончился. «Да не кончится! Час и десять минут долбить будут, пока смятку из вас, лихоедеев, не сделают», — размышлял я с лихорадочным душевным подъемом. Во время артподготовки всегда так: жутковато, трясет всего внутри и в то же время страсти в душе разгораются.

Я как бежал с катушкой на шее, так и споткнулся, и мысли мои оборвались: богиня Венера стояла без головы, и руки у нее были оторваны, лишь осталась ладошка, которой она прикрывала стыд, а возле заброшенного землей фонтана валялись Абдрашитов и поляк, засыпанные белыми осколками и пылью гипса. Оба они были убиты. Это перед утром обеспокоенные тишиной немцы

делали артналет на передовую и очень много снарядов по парку выпустили.

Поляк, установил я, ранен был первый — у него еще в пальцах не высох и не рассыпался кусочек гипса. Абдрашитов пытался стянуть поляка в бассейн, под фонтанчик, но не успел этого сделать — их накрыло еще раз, и успокоились они оба.

Поляк, установил я, ранен был первый — у него еще в пальцах не высох и не рассыпался кусочек гипса. Абдрашитов пытался стянуть поляка в бассейн, под фонтанчик, но не успел этого сделать — их накрыло еще раз, и успокоились они оба.

Лежало на боку ведерко, и вывалилось из него серое тесто гипса, валялась отбитая голова богини и одним беззрачным оком смотрела в небо, крича пробитым ниже носа кривым отверстием. Стояла изувеченная, обезображенная богиня Венера. А у ног ее, в луже крови, лежали два человека — советский солдат и седовласый польский гражданин, пытавшиеся исцелить побитую красоту.

**ЗАДАНИЕ 2 (творческое).** Из предлагаемого набора афоризмов об искусстве выберите то высказывание, которое вам представляется наименее справедливым, и мотивируйте свое мнение, опираясь на текст произведения, не взятого вами для выполнения аналитического задания. (Примерный объем вашего рассуждения — 150–200 слов.)

Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном.

(Дени Дидро, французский писатель и философ середины XVIII в.)

Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства.

(Н.В. Гоголь)

Большое искусство не должно осквернять себя, обращаясь к безнравственным сюжетам.

(Людвиг ван Бетховен, немецкий композитор конца XVIII – начала XIX в.)

Слишком близкое сходство с жизнью убийственно для искусства.

(Ральф Эмерсон, американский писатель середины XIX в.)

Задача художника – сделать людей детьми.

(Фридрих Ницше, немецкий философ второй пол XIX в.)

Нет книг нравственных и безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо.

(Оскар Уайльд, английский писатель второй пол XIX в.)

Искусство должно быть средством воспитания, но цель его – удовольствие.

(Бертольт Брехт, немецкий драматург и режиссер первой пол. XX в.)

Если это искусство, значит, это не для всех; а если это для всех, значит, это не искусство.

(Арнольд Шёнберг, австрийский, немецкий и американский композитор первой пол. XX в.)

Ни одно гениальное произведение никогда не основывалось на ненависти или презрении.

(Альбер Камю, французский писатель и философ середины XX в.)

Искусство — это попытка создать рядом с реальным миром другой, более человечный мир.

(Андре Моруа, французский писатель первой пол. XX в.)

Искусство позволяет нам сказать даже то, чего мы не знаем.

(Габриэль Лауб, чешско-немецкий журналист и писатель второй пол. XX в.)

\* \* \* \* \*

## Принципы оценки аналитического задания

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёх-балльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок «зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценку за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

### Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5**

**Итого: максимально – 70 баллов**

**Н.В. Направления для анализа и установочные вопросы, предложенные школьникам в задании, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.**

### Критерии оценки творческого задания

1. Глубина понимания проблемы, вызвавшей несогласие с афоризмом. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

2. Убедительность спора с афоризмом посредством обращения к литературному тексту. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

3. Владение навыками создания связного, цельного, лексически и стилистически богатого, выразительного текста. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

**Итого: максимально – 30 баллов.**

**Итого за всю работу: максимально – 100 баллов.**

1. Глубина понимания проблемы, поставленной в выбранном афоризме. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

2. Убедительность соотнесения афоризма с литературным текстом. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

3. Владение навыками создания связного, цельного, лексически и стилистически богатого, выразительного текста. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

**Итого: максимальный балл – 30 баллов.**

**Итого за всю работу: максимально – 100 баллов.**